

Научная статья

УДК 323.22.28

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.215-224

НАСИЛИЕ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

Елена Александровна Соколова¹, Алексей Владимирович Тюменев²

¹ НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, sokolova-umu@yandex.ru

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, tymenev@ya.ru

Аннотация. В статье представлен анализ понятия «насилие» как политико-правовой категории в контексте социальных отношений, исследована семантика термина и уровни его содержания. Выявлена сущность насилия как признака государства, определена его роль и природа в контексте теорий происхождения государства. На основе становления норм международного права авторами изучена динамика правового регулирования насилия от регламентации условий его применения в контексте военных действий до отказа государств от использования силы и угрозы силой. Отмечены современные подходы международного сообщества и отечественного законодателя к регулированию феномена насилия на межличностном и межгрупповом уровнях.

Ключевые слова: насилие, теории происхождения государства, право государства на применение силы, международное гуманитарное право, принцип воздержания от угрозы силой или ее применения, право на самооборону

Для цитирования

Соколова Е. А., Тюменев А. В. Насилие как политико-правовая категория: анализ понятия // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 2. С. 215–224. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.215-224.

Original article

VIOLENCE AS A POLITICAL AND LEGAL CATEGORY: AN ANALYSIS OF THE CONCEPT

Elena Aleksandrovna Sokolova¹, Aleksej Vladimirovich Tjumenev²

¹SIC-1 FKU Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, sokolova-umu@yandex.ru

²Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, tymenev@ya.ru

Abstract. The article presents an analysis of the concept of "violence" as a political and legal category in the context of social relations, examines the semantics of the term and the levels of its content. The essence of violence as a sign of the state is revealed, its role and nature are determined in the context of theories of the origin of the state. On the basis of the formation of the norms of international law, the authors studied the dynamics of the legal regulation of violence from the regulation of the conditions of its use in the context of military operations to the refusal of states from the use of force and the threat of force. The modern approaches of the international community and the domestic legislator to the regulation of the phenomenon of violence at the interpersonal and intergroup levels are noted.

Keywords: violence, theories of the origin of the State, the right of the State to use force, international humanitarian law, the principle of refraining from the threat or use of force, the right to self-defense

For citation

Sokolova, E. A. & Tjumenev, A. V. 2023, 'Violence as a political and legal category: an analysis of the concept', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 2, pp. 215–224, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.215-224.

Насилие как социальное явление является неотъемлемым атрибутом развития общества на всех исторических этапах его существования. Трудно не согласиться с оценкой Ю. М. Антоняна, охарактеризовавшего насилие как способ существования живых организмов, сопровождающийся неизменным разрушением чего-то, нанесением ущерба кому-то ради кого-то [3, с. 38]. В современных условиях категория насилия по-прежнему нуждается в осмыслении и определении ее значения, содержания, места в социально-политической практике и понятийно-категориальном аппарате общественных, в том числе политико-правовых, отраслей научного знания.

Понятие насилия носит сложный междисциплинарный характер. В настоящем контексте анализ феномена насилия предпринят в аспекте государственно-правового регулирования. Термины и определения имеют основополагающее значение для обеспечения стабильности права, которому свойственна формальная определенность. Формализованные юридические понятия призваны оправдывать социальные ожидания участников правоотношений, которые вправе рассчитывать на конкретные последствия своих действий, вытекающих из юридических установлений. Именно этим обстоятельством обусловлена актуальность обращения к анализу категории насилия на каждом историческом этапе общественного развития,

включая современный, отличающийся интенсивной динамикой развития политико-правовой сферы.

Обращаясь к семантике самого термина, можно увидеть, что Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова охватывает три значения понятия насилия: 1) применение физической силы к кому-либо; 2) принудительное воздействие на кого-либо, нарушение личной неприкосновенности; 3) притеснение, беззаконие [12]. Таким образом, понятие насилия может рассматриваться на микроуровне (межличностном), мезоуровне (межгрупповом) и макроуровне (межклассовом, межэтническом) социальных отношений.

Представляет интерес тот факт, что в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890–1907 гг. насилие трактовалось как межличностная категория с позиции противоправного поведения – незаконное употребление силы против личности потерпевшего, принуждение его что-либо сделать или не делать, что-либо испытать или перенести; самостоятельное преступление; средство для учинения другого преступления (разбоя, грабежа, изнасилования, посягательства на личную свободу) [6]. В свою очередь, в Большой советской энциклопедии 1926–1947 гг. насилие определялось преимущественно в макросоциальном аспекте, отличавшемся существенной политизированностью, как применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий [4]. Такие разные подходы к толкованию понятия подчеркивают его социально-историческую обусловленность и содержательную глубину. Следует отметить, что Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова объединил все смысловые аспекты термина «насилие», представив наиболее объективный подход к раскрытию этой сложной политико-правовой категории.

Анализируя природу насилия с позиции теории государства и права, можно увидеть совершенно особый учредительный характер понятия «насилие», получивший свое последовательное выражение в одной из самых популярных теорий происхождения государства – теории насилия. Она возникла на рубеже XIX и XX веков. Основателями данной теории являются Л. Гумплович, Е. Дюринг, К. Каутский, считавшие, что причины появления государства как особого политического института связаны с обстоятельствами и факторами не социально-экономического, а военно-политического характера – завоеванием, порабощением одних народов другими, то есть именно насилие как социально-политический феномен лежит в основе государственной власти, является ее источником.

Следует отметить, что среди сторонников теории нет единого понимания механизма реализации насилия, приводящего к появлению государства. Так, Е. Дюринг видел причину возникновения государства во внутреннем насилии, подавлении одной части общества другой его частью. Государство позволяло зафиксировать и поддерживать это неодинаковое положение людей. В свою очередь, Л. Гумплович и К. Каутский считали причиной возникновения государства внешнее насилие, когда в результате противоборства племен и народов одни из них завоевывали и порабощали других, что закономерно способствовало формированию классов, а государство в новых условиях распределения сил становилось механизмом, использовавшимся победителями для принудительного управления побежденными [16, с. 119–120].

Критика теории насилия существенно затруднена тем обстоятельством, что ее основные положения получают подтверждение в известных исторических фактах – форми-

ровании германского государства в результате завоевания Римской империи, усвоении государственной организации общества Золотой Ордой после нашествия на Древнерусское государство и др.

Одним из самых опасных последствий приверженности теории насилия, как показывает новейшая история человечества, выступает утверждение и оправдание существования в современном мире недемократических политических режимов. Это требует постоянной, объективной и взвешенной оценки насилия как инструмента учредительной власти в конкретных исторических обстоятельствах. Грань между принятием целесообразности насилия, признанием его объективного, иногда даже легитимного характера и его идеологическим оправданием в интересах отдельных социальных групп, а порой отдельных лиц очень тонка и нуждается в непрерывном контроле.

В теории государства и права насилие выступает не только одним из факторов возникновения государства, но и его неотъемлемым признаком, подчеркивающим особую, отличную от других политических институтов природу и сущность государства как субъекта политических правоотношений. В числе основных признаков государства ученые часто называют монопольное право на применение насилия [9, с. 21], которое раскрывают как право государства подвергнуть преследованию, осудить и даже физически уничтожить своих граждан в случае нарушения ими установленных государством норм и правил поведения. Важно подчеркнуть, что право на насилие носит монопольный характер для государства, которое обязано следить за тем, чтобы никто другой не мог присвоить себе это право. Интересно, что данное право признается даже за правовым государством [10].

Свое обоснование право на насилие получило в трудах мыслителей эпохи Просвещения в рамках сформулированной ими теории общественного договора. Так, Т. Гоббс считал насилие правомерным и нравственным в условиях, когда правитель не оправдывал доверие народа, узурпировал власть и нарушал естественные, принадлежащие каждому от рождения права граждан [17, с. 14]. В таких обстоятельствах у народа, согласно теории общественного договора, возникало ответное право на восстание, при реализации которого допускалось насилие в целях урегулирования конфликта, возникшего между правителем и населением, и поддержания безопасности на новых условиях.

Д. Локк признавал за государством право на издание и исполнение законов о смертной казни, применение насилия в целях защиты государства от нападения извне, то есть допускал реализацию государством права на насилие из соображений общественного блага [7].

Ж.-Ж. Руссо, как и его современники, был сторонником права народа на сопротивление угнетению, признавал законность свержения с престола и даже убийства монарха, отмечая в своем «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755 г.), что деспот остается повелителем лишь до тех пор, пока он сильнее всех; но, как только люди оказываются в силах его изгнать, у него нет оснований жаловаться на насилие [13, с. 96].

Разделял взгляды своих современников – сторонников теории общественного договора и известный российский политический деятель XVIII в., представитель либерального радикализма А. Н. Радищев, считавший крепостное право противоестественным и отмечавший, что оно является не правом, а насилием, которому поработенные могут противопоставить силу [2, с. 59].

Интересной позиции в оценке насилия придерживался Л. Н. Толстой. Признавая связь государства и права с социальным феноменом насилия, в рамках своей концепции непротивления злу насилием он считал насильственное свержение власти непригодным именно из-за его принудительного характера и призывал к полному отказу от какого-либо участия в любых правительственных делах (государственной службе, службе в армии и т. п.) [2, с. 133].

Русский религиозный философ Н. А. Бердяев связывал государство исключительно с психологическим насилием, но выступал против насильственного свержения власти. Признавая за государством позитивную роль на первых этапах его существования, Н. А. Бердяев не видел в нем на дальнейших этапах существования духовной ценности и считал порочным независимо от политической формы, рассматривая государство как предмет желаний и стремлений властолюбцев [2, с. 180].

Примерно в то же время на волне кардинальных социально-политических перемен в жизни российского общества утвердилось отождествление государства с феноменом насилия. Рассматривая диктатуру пролетариата как особый тип государственности переходного периода, В. И. Ленин прямо определял ее как «ничем не ограниченную, не стесненную никакими законами и опирающуюся непосредственно на насилие власть» [2, с. 206–207]. Концепция диктатуры пролетариата послужила идеологическим обоснованием политики нового советского государства, в котором постепенно утвердился тоталитарный политический режим. Считая также насилие оправданным и даже в определенных случаях необходимым, представитель русского зарубежья С. Л. Франк обосновывал тем самым идею деятельной борьбы с фашизмом и коммунизмом [2, с. 185].

Опираясь на укоренившиеся в отечественной политико-правовой мысли взгляды на социально-политическую природу насилия, можно сделать вывод о его дуалистической природе: насилие рассматривается как допустимое и, в некоторых случаях, оправданное историческими обстоятельствами явление до тех пор, пока оно служит общим интересам населения, выступает средством обеспечения безопасности и поддержания стабильности в обществе. Как только применение насилия перестает быть целесообразным в конкретных исторических условиях, оно начинает восприниматься как негативное явление, нарушающее права граждан и представляющее угрозу установившемуся порядку общежития. В этом случае задача государства заключается в том, чтобы защитить своих граждан, их законные права и интересы от нарушения вследствие применения насилия, гарантировать безопасность как условие надлежащего качества жизни населения.

Получившие обоснование в политико-правовой мысли подходы к вопросам насилия как социально-политического явления нашли отражение в международном праве, которое в течение XX века продемонстрировало переход от правового регулирования войны как способа разрешения конфликтов между государствами к юридическому закреплению всеобщих гарантий сохранения и поддержания мира и безопасности.

С древних времен война признавалась одним из эффективных способов урегулирования конфликтов между племенами, народами, государствами. До перехода к глобальному обществу вопросы применения силы в рамках военных действий регулировались двусторонними соглашениями стран – участниц вооруженных конфликтов и касались преимущественно смягчения участи раненых воинов. Как отмечает И. З. Фархутдинов, с 1551 по 1864 год таких договоров насчитывалось около 300, включая договоры, касающиеся морской войны [15, с. 30].

Таким образом, насилие в форме войны, правила и последствия его применения сами по себе выступали предметом правового регулирования в межгосударственных отношениях. Эта тенденция сохранилась и на этапе формирования международного гуманитарного права [8, с. 317]. Не случайно исторически первыми источниками современного гуманитарного права признаются Петербургская декларация об отмене взрывчатых и зажигательных пуль (1868 г.), Гаагские конвенции (1899 и 1907 гг.) о законах и обычаях сухопутной войны, о бомбардировании морскими силами во время войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае морской войны и др. Всего 13 документов, которые касались вопросов так называемого права войны, регламентировали права и обязанности воюющих сторон при проведении военных операций и ограничивали выбор средств нанесения ущерба.

Положения Гаагских конвенций получили дальнейшее развитие в четырех Женевских конвенциях о защите жертв войны (1949 г.) и Дополнительных протоколах к ним (1977 г.). Эти документы определяли, как сторона в конфликте должна обращаться с жертвами военных действий (ранеными, военнопленными, населением оккупированных территорий и др.), признали за партизанами статус комбатантов, запретили не обусловленное военной необходимостью уничтожение частного и государственного имущества, установили статус гражданского населения во время вооруженных конфликтов

Как показывает история становления международного гуманитарного права, насилие хотя и рассматривалось как неизбежный атрибут социальной жизни, подлежащий правовому регулированию на поздних этапах развития общества, но его постепенное ограничение, установление четких правил и границ использования силы в ходе военных действий само по себе оценивалось учеными как тенденция гуманизации [18, с. 527–551].

Впервые вопрос о запрете насилия как способа урегулирования межгосударственных конфликтов был поставлен международным сообществом в середине XX в. после завершения Второй мировой войны. В ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций получила закрепление обязанность всех членов ООН воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций.

Позднее Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г.), продублировала это положение, провозгласив одним из первых принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН.

Однако любопытен тот факт, что международное сообщество признает за государствами, подвергшимся вооруженному нападению, право на индивидуальную и коллективную самооборону (ст. 51 Устава ООН). Условия реализации этого права являются в настоящее время одной из самых дискуссионных тем в юридической литературе и правоприменительной практике [1] и даже позволяют некоторым авторам ставить вопрос о том, ограждает ли право от насилия или просто узаконивает его [5, с. 37].

Если вопрос о природе насилия на макроуровне социальных отношений (межгосударственном) в международном праве имеет противоречивую природу, то в отношении насилия на микроуровне (межличностном) и частично мезоуровне (межгрупповом) международное сообщество единодушно в своей оценке, признавая его недопустимым и незаконным во всех случаях, когда оно посягает на безопасность личности или социальной группы [14, с. 283].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет насилие как преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [11, с. 4].

Позиция международного сообщества в отношении неприятия межличностного и межгруппового насилия получила закрепление в таких документах, как Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.), Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011 г.) и др.

Обращаясь к национальному законодательству, можно увидеть схожий подход к оцениванию насилия как социально-политического явления. Так, в действующей Конституции Российской Федерации установлен строгий запрет насилия, объектом которого выступает государственная власть: захват власти преследуется по федеральному закону (ст. 3); создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, запрещается (ст. 13).

Насилие, направленное на личность, также не допускается Конституцией РФ, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21); никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ст. 29); никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ст. 30); принудительный труд запрещен (ст. 37). Вместе с тем в рамках своего права на легальное применение силы государство оставляет за собой возможность использования элементов насилия в интересах общества: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55).

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

Понятие насилия носит сложный многоаспектный характер и охватывает три уровня социальных отношений: микроуровень (межличностный), мезоуровень (межгрупповой) и макроуровень (межгосударственный).

С точки зрения политико-правовой природы в контексте теории государства и права насилие может рассматриваться в качестве причины и условия возникновения государства (теория насилия), приобретая учредительный статус; права народа на сопротивление в случае произвола власти (теория общественного договора), а также сущностного признака государства как института политической системы общества. В истории политико-правовой мысли насилие однозначно порицалось, за исключением случаев,

когда в нем виделся инструмент сопротивления беззаконию. Применение насилия могло быть оправдано целями обеспечения безопасности общества, поддержания и охраны установленного порядка в интересах общества.

В международном праве насилие в форме войны выступало объектом правового регулирования, условия его применения с течением времени приобретали все более гуманистический характер. В середине XX в. получило свое юридическое оформление обязательство государств сотрудничать друг с другом на началах дружественных отношений и воздерживаться от угрозы силой или ее применения при сохранении признания за государствами, подвергшимися вооруженному нападению, права на самооборону.

При регулировании социальных отношений на микро- и мезоуровне международное сообщество исходит из порицания любых форм и проявлений насилия. Аналогичной позиции придерживается отечественный законодатель.

Современная государственно-политическая практика может создать основания и условия для переосмысления и уточнения существующих подходов к понятию насилия, его содержанию, условиям применения.

Список источников

1. Антонов В. Право на самооборону в современном международном праве // Закон и право. 2018. № 7. С. 150–156.
2. Антонов М. В. История правовой мысли России. СПб. : НИУ ВШЭ, 2012. 212 с.
3. Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России. М., 2001. 98 с.
4. Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1969–1978. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/112538> (дата обращения: 27.02.2023).
5. Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива // Кантовский сборник. 2013. № 4. С. 30–41.
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/86201> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Васильев Д. А. Теоретико-методологические основы изучения политических взглядов Дж. Локка // Концепт. 2019. № 1. URL: <http://e-kon-sept.ru/2019/193002.htm> (дата обращения: 27.02.2023).
8. Корнилов А. Р., Кошелюк Б. Е., Соколова Е. А., Христофорова Е. И. Международное движение Красного Креста и Красного полумесяца: становление и роль в современном мире // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11(175). С. 316–320.
9. Малько А. В. Теория государства и права : учеб. для бакалавриата. М. : Эксмо, 2020. 400 с.
10. Мартыненко Б. К. Принуждение и насилие в правовом государстве (на примере современной России) // Общество и право. 2011. № 2(34). С. 36–39.
11. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2002. 48 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М. : Азъ, 1994. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15969> (дата обращения: 27.02.2023).
13. Руссо Ж.-Ж. Трактаты : пер. с фр. М. : Наука, 1969. 704 с.

14. Тюменев А. В. Виоленсология – учение о насилии // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 2. С. 282–285.

15. Фархутдинов И. З. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4(143). С. 29–36.

16. Цокуренко С. С. Теоретические подходы к определению насилия // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 1. С. 119–123.

17. Шадрина Е. Н. «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2017. № 7. С. 13–20.

18. Meron, Th. 2006, *The humanization of international law*, Leiden, Boston, Nijhoff.

References

1. Antonov, V. 2018, 'The right to self-defense in modern International law', *Law and Law*, iss. 7, pp. 150–156.

2. Antonov, M. V. 2012, *History of Legal Thought in Russia*, HSE, St. Petersburg.

3. Antonjan, Ju. M. 2001, *Violent crime in Russia*, Moscow.

4. The Great Soviet Encyclopedia 1969-1978, *Soviet Encyclopedia*, Moscow, viewed 27 February 2023, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/112538>.

5. Brok, L. 2013, 'Legitimization and criticism of violence in international law. Political Science Perspective', *Kant Collection*, iss. 4, pp. 30–41.

6. Brokgauz, F. A. & Efron, I. A. 1890–1907, *Encyclopedic Dictionary*, St. Petersburg, viewed 27 February 2023, <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/86201>.

7. Vasil'ev, D. A. 2019, 'Theoretical and methodological foundations of the study of political views of J. Locke', *Concept*, iss. 1, viewed 27 February 2023, <http://e-kon-cept.ru/2019/193002.htm>.

8. Kornilov, A. R., Kosheljuk, B. E., Sokolova, E. A. & Hristoforova, E. I. 2022, 'International Red Cross and Red Crescent Movement: Formation and Role in the Modern World', *Eurasian Law Journal*, iss. 11(175), pp. 316–320.

9. Mal'ko, A. V. 2020, *Theory of State and Law: textbook for undergraduate studies*, Eksmo, Moscow.

10. Martynenko, B. K. 2011, 'Coercion and violence in a state governed by the rule of law (on the example of modern Russia)', *Society and Law*, iss. 2(34), pp. 36–39.

11. *Violence and its impact on health. World Situation Report 2002*, translated from English, The Whole World, Moscow.

12. Ozhegov, S. I. 1994, *Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions*, Moscow, viewed 27 February 2023, <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15969>.

13. Russo, Zh.-Zh. 1969, *Treatises / translated from French*, Science, Moscow.

14. Tjumenev, A. V. 2019, 'Violencology – the Doctrine of Violence', in *IV International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (to the 140th anniversary of the penal enforcement system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the FPS of Russia): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 20–22, 2019)*, in 10 vols, vol. 2, pp. 282–285.

15. Farhutdinov, I. Z. 2020, 'The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907 . Who unleashed the First World War. The experience of doctrinal research of the problems of the formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law', *Eurasian Law Journal*, iss. 4(143), pp. 29–36.

16. Cokurenko, S. S. 2008, 'Theoretical approaches to the definition of violence', *Society: Politics, Economics, Law*, iss. 1, pp. 119–123.

17. Shadrina, E. N. 2017, "'Social contract" Thomas Hobbes: Historical and Philosophical Reconstruction of the Concept', *Bulletin of Vyatka State University*, iss. 7, pp. 13–20.

18. Meron, Th. 2006, *The humanization of international law*, Leiden, Boston, Nijhoff.

Информация об авторах

Е. А. Соколова – кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник;

А. В. Тюменев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права.

Information about the authors

E. A. Sokolova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, leading researcher;

A. V. Tjumenev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.